

Хо Цзинь сразу же обратил внимание на семью Чжэн, ведь аномалия с Мо Фанем началась после смерти старейшины Чжэн. Казалось, небеса никогда не ставили преград перед Хо Цзинем, и вскоре он узнал от знакомого слуги семьи Чжэн, что Мо Фань когда-то разговаривал со старейшиной Чжэн наедине. Сопоставив это с собственным пониманием Мо Фаня, Хо Цзинь понял его замысел.

Поскольку это было то, чего хотел Мо Фань, Хо Цзинь быстро разыграл с ним этот грандиозный спектакль, единственной целью которого было дать всем понять, что Мо Фань и Хо Цзинь «расстались», а семьи Мо и Хо больше не имеют никаких отношений.

На самом деле Хо Цзинь ждал, когда Мо Фань спросит его, почему он так поступил, но сколько ни ждал, так и не дождался ни слова.

Хо Цзинь даже начал злиться. Неужели Мо Фань действительно думал, что он поступит с ним так? Стоит ли злиться на недоверие Мо Фаня или же лучше задуматься о том, что сам он раньше давал Мо Фаню слишком много «неопределенности»?

В итоге Хо Цзинь сам позвонил.

Он четко понимал, чего хотел. Даже если Мо Фань без его согласия сам решил их будущее, он не собирался отпускать его. Даже если бы Мо Фань действительно ушел к Вэй Сюю, он бы честно победил его, тем более что Мо Фань сказал те слова ради поручения старейшины Чжэн и их общего будущего.

Когда Хо Цзинь обнаружил, что Мо Фань воспринимал все его действия как месть и молча вернулся в Мохай, он, несмотря на раздражение, не мог не почувствовать жалость.

Если Мо Фань все это время смотрел на него с такой точки зрения, то как же он жил все эти годы? Продолжал терпеть, как и в том «будущем», пока не пришел день, когда больше не мог выносить?

Хо Цзинь четко понимал, что если эта проблема с Мо Фанем не решится, между ними рано или поздно снова возникнут трудности.

Поэтому он решил дать Мо Фаню срок.

Хо Цзинь продолжил:

— Я хочу непоколебимой, непреклонной уверенности — подумай хорошенько и ответь мне.

Сердце Мо Фаня заколотилось.

Слова Хо Цзиня потрясли его не меньше, чем когда он обнаружил, что вернулся в 1990 год.

Ни он, ни старейшина Чжэн не понимали Хо Цзиня по-настоящему. Именно из-за его собственного, якобы понимания, возникли все эти бесполезные переживания. Если бы он больше доверял Хо Цзиню, если бы не принимал решения сам, ничего бы этого не случилось.

Ему не хватало именно той непоколебимой, непреклонной уверенности, о которой говорил Хо Цзинь.

Мо Фань уткнулся лицом в подушку и хрипло произнес:

— Прости.

Хо Цзинь спросил самым спокойным тоном:

— Ты хочешь извиниться за свои прошлые слова или отказаться от моего требования?

На самом деле в этот момент он не был спокоен. Он гладил фотографию Мо Фаня на столе, мысленно представляя его нынешнее выражение лица.

Если бы можно было, Хо Цзинь не хотел бы, чтобы Мо Фань снова говорил с ним таким голосом, и не хотел бы, чтобы он снова сталкивался с тем, что заставляет его плакать. Но процесс взросления неизбежно сопровождается болью и трудностями, и если Мо Фань хочет стать зрелым, ему придется пройти через многие вещи самостоятельно.

Как бы Хо Цзинь ни жалел, он мог лишь временно отпустить его, чтобы тот прошел свой путь сам. Его пальцы остановились на глазах на фотографии:

«Если это последнее, то сколько бы раз ты ни сказал, я не приму».

Слыша знакомый тон, Мо Фань впервые так возненавидел свой характер.

Хо Цзинь давно начал меняться, а он все еще стоял на месте! Все эти девять лет он пользовался добротой Хо Цзиня, избегая того, с чем должен был столкнуться.

Мо Фань повернул лицо от подушки и тихо сказал:

— Хорошо, пять лет.

Закончив разговор с Хо Цзинем, Мо Фань вытер лицо, умылся в ванной и вышел из комнаты.

В это время Чжан Сиюань и другие сидели в гостиной и разговаривали, и, если присмотреться, у каждого в глазах были красные прожилки.

Мо Фань почувствовал и благодарность, и вину. Его минутная глупость заставила всех вокруг страдать.

Это был последний раз!

Мо Фань поклялся себе.

Мо Цзяньдун был легендой в политических кругах Хуаго.

Он был родом из Линьяна на северо-востоке, но из-за наводнения в Чжуннани был срочно переведен в Кайян. После того как регион Чжуннань восстановился, он подал заявку на перевод в Сибэй, где через пять лет стал главой Мохая и внес огромный вклад в «План Два Запада». Он уже был главным кандидатом на пост главы Сибэя, но внезапно подал заявку на перевод в Синань, где провел еще несколько лет.

Существовали ли на самом деле такие чиновники, которые полностью посвящали себя общественному благу? Никто не верил. Поэтому многие пытались найти в нем изъяны, следили за каждым его шагом, но в конце концов вынуждены были признать, что его поведение было безупречным.

Говорили, что он жаден до денег? Но его старший брат был главным акционером компании «Деликатесы Хуася», и даже крохи, выпадавшие из его рук, были больше, чем взятки, которые могли предложить снизу. Говорили, что он любит женщин? У него была красивая и умная

жена, и на других женщин он даже не смотрел.

Что касается развлечений и вечеринок, то для Мо Цзяньдуна это было просто невыносимо — он был настоящим трудоголиком. В Сибэе он поднимался в горы, спускался в деревни, ходил в пустыни, а в Синани он посетил большинство мест проживания этнических меньшинств, и за несколько лет даже выучил несколько фраз на их языках.

Конечно, Мо Цзяньдун не был идеальным. Его несовершенство заключалось в том, что у него был непослушный младший сын. В отличие от старшего сына Мо Пина, выпускника Столичного университета, его младший сын Мо Фань был известным в Синани хулиганом.

Говорили, что он когда-то по блату поступил в Первую столичную старшую школу, но из-за неуспеваемости был отчислен, после чего его характер резко изменился, и он стал наслаждаться созданием проблем, считая спокойную жизнь позором.

К сожалению, это тоже не было хорошим способом напасть на него, потому что Мо Фань был слишком хитрым, и многие, кто пытался использовать его, чтобы подставить Мо Цзяньдуна, сами оказывались в дураках и уезжали из Синани с позором.

Еще более удивительным было то, что благодаря тесным связям «молодого Мо» с третьим поколением семей Чжан, Фан, Чжун и Ван, связи семьи Мо постепенно расширялись, и казалось, что они начинают превращаться в новую влиятельную семью.

— Сяо Фань! Сяо Фань!

Крик, сопровождаемый тяжелым дыханием, заставил Мо Фаня, который собирался слезть с лошади, остановиться. Под ним была великолепная лошадь с блестящей черной гривой и крепким корпусом, которая подчеркивала его длинные ноги. К сожалению, кричавший не обращал на это внимания. Он подбежал и сказал:

— Сяо Фань, беда, два клана на западе действительно подрались!

Мо Фань поднял бровь и спрыгнул с лошади.

Это был Синань, место еще более отсталое и сложное, чем Сибэй. Его главной особенностью были бескрайние зеленые степи.

Другой особенностью было смешение разных народов, во многих местах сохранились древние формы поселений, такие как деревни и кланы, и часто происходили клановые столкновения. Это было место, куда даже Чжан Сяоань и его компания не хотели соваться.

Первое, что сделал Мо Фань, приехав в Синань, — научился ездить верхом. После пяти лет тренировок его навыки верховой езды стали весьма неплохими, и даже в стрельбе с лошади он выигрывал у местных пастухов чаще, чем проигрывал. Поскольку имя «Да Хэй» уже было занято, его любимую лошадь назвали «Сяо Хэй».

Передав Сяо Хэя работникам конного завода, Мо Фань повернулся и спросил:

— Отец еще не знает?

Молодой человек, принесший новости, был дальним родственником семьи Мо по имени Лю Хэн. Несколько лет назад он начал жить в доме Мо, и постепенно Мо Фань его «подкупил». Честный молодой человек превратился в самого преданного глаза и уши Мо Фаня:

— Дядя Мо сейчас инспектирует несколько пастбищ. Мы перехватили того, кто должен был сообщить ему, и вместо этого сообщили тете Ли. Сейчас тетя Ли уже отправила дядю Вана разбираться.

Это стало негласным правилом в семье Мо: Ли Сяньюнь и Мо Фань занимались такими чувствительными вопросами, как клановые столкновения, а Мо Цзяньдун спокойно занимался строительством. Мо Цзяньдун, конечно, не раз злился, но Мо Фань и Ли Сяньюнь смиренно принимали все его недовольство, но отказывались исправляться, продолжая не допускать его к таким делам.

У этого подхода был и неожиданный результат: политическое чутье Мо Цзяньдуна, казалось, постепенно улучшалось в процессе противостояния с женой и сыном, и он больше не был тем Мо Цзяньдуном, который был полон энтузиазма, но не знал, как быть гибким.

Мо Фань удивился:

— Если мама уже отправила дядю Вана разбираться, зачем ты пришел ко мне?

<http://bllate.org/book/16643/1524884>